

Длугач Т.Б.

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; сектор истории западной философии.

E-mail: dlugatch@yandex.ru

Савин А.Э.

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84.

E-mail: savinae2018@gmail.com

«Кантом я интересовалась всегда» Интервью с Т.Б. Длугач

Аннотация. В публикуемом интервью известный российский историк философии Тамара Борисовна Длугач, признанный специалист в области немецкой классической философии и философии эпохи Просвещения, делится воспоминаниями о своей жизни и работе: о поступлении и годах учебы в Московском университете, о поступлении в аспирантуру Института философии АН СССР и первых годах профессиональной деятельности, об интересных событиях из жизни Института философии в 1970–1990-е годы, о коллегах, работе в секторе истории западной философии под руководством Т.И. Ойзермана и Н.В. Мотрошиловой, начале своих исследований творчества И.Канта и Д.Дидро, участии в семинарах В.С. Библера, о значении работ Э. Ильенкова для философии советского периода. Интервью с Т.Б. Длугач провел А.Э. Савин.

Ключевые слова: Институт философии РАН, философия советского периода, кантоведение в России, французское Просвещение, Библер В.С., Длугач Т.Б.

А.Э. Савин.¹ Тамара Борисовна, расскажите, пожалуйста, почему Вы выбрали философский факультет? Были ли в семье предпосылки для этого?

Т.Б. Длугач.² Предпосылок абсолютно никаких не было. Отец мой Борис Абрамович Длугач был железнодорожником. Очень крупным, писал учебники (и даже диссертации для видных чиновников). Он хотел, чтобы я пошла по его пути и уговорил меня поступить в МИИТ, Институт инженеров железнодорожного транспорта, на специальность «электрический транспорт». Я поступила, проучилась там ровно год. У меня очень хорошо шел математический анализ, но когда началась начертательная геометрия, я поняла, что не вытяну – ввиду того, что у меня никакого пространственного воображения нет. И я оттуда ушла.

А мне всегда хотелось заниматься какой-то общественной работой, я бы сказала – общественно-организационной. Мне хотелось сделать всех людей лучше! Это иллюзии восемнадцати лет. Хотелось, чтобы все люди были добрые, хорошие, красивые и так далее, и поэтому я решила идти на философский факультет. Надо сказать, что это мое желание так подействовало на окружающих, что два мальчика из-за этого даже в меня влюбились. На философский, правда, не без трудностей, я поступила. Это был 1954-й год. И до сих пор об этом не жалею.

А.С. Что происходило тогда на факультете?

Т.Д. Тогда на факультете очень много было принято абитуриентов на первый курс, и администрация решила освободиться от половины. Студентам предоставили хорошую возможность, а именно, право перейти на любой факультет МГУ или в любой московский институт без экзаменов. И половина с факультета, действительно, ушла в другие вузы. Я тоже долго колебалась. Мне хотелось уйти в медицинский, но, в итоге, все-таки осталась.

А.С. Какие крупные философы были во времена Вашей учебы на факультете?

Т.Д. На первом курсе мы в этом плохо разбирались, но уже был известен Эвальд Ильенков. В. Коровиков и Э.Ильенков тогда написали свои знаменитые «Тезисы», их называли «гносеологические тезисы»³. Эвальд Ильенков тогда был уже в аспирантуре, а я на первом

¹ Далее в тексте используется сокращение: А.С. [Алексей Савин].

² Далее в тексте используется сокращение: Т.Д. [Тамара Длугач].

³ Имеются ввиду «Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития», озвученные весной

курсе, поэтому их с Коровиковым лично не очень знала. Но мы хорошо знали Г.П. Щедровицкого. Его мы знали через нашего сокурсника Петра Гелазония, который был его учеником еще в школе. Георгий Петрович Щедровицкий давал нам разные тексты для переводов – тогда ведь не было переводов зарубежных философов – и мы переводили Шлика, Карнапа и т.д., отдавали Щедровицкому, а он их осмысливал, включая в свою концепцию. Так что в этом смысле было интересно. Какие крупные фигуры у нас были? Во-первых, конечно, у нас читал лекции Валентин Фердинандович Асмус. Честно говоря, я от Асмуса была не в большом восторге. Он не любил выдумки. Асмус любил, чтобы все было строго по тексту автора. Если ты читаешь Канта, то ты не должен ничего своего привносить, должен точно по Канту все излагать, без интерпретаций, без всяких проблем. Мне это не очень нравилось. Вот Теодор Ильич Ойзерман, мне кажется, читал интереснее, у него на лекциях всегда было что-то свое.

А.С. Читал ли уже лекции Василий Васильевич Соколов?

Т.Д. Да, читал. Мы его тоже любили. Очень не любили мы преподавателей по кафедре русской философии. Имен, правда, их сейчас вспомнить не могу, хотя они там все известные были.

А.С. Как развивались события после окончания факультета? Аспирантура была сразу Вам предложена по его окончании?

Т.Д. Нет, через два года, я поступила сначала в заочную аспирантуру, а после сдачи кандидатских экзаменов Владимир Власович Мшвениерадзе, наш ученый секретарь, перевел меня в очную, я ему очень благодарна. Потом у меня были неприятности с моим научным руководителем Г.А. Курсановым, который неожиданно от меня отказался и написал на семи страницах требование отчислить меня из аспирантуры. Считал, что я не гожусь в ученые, хотя причина была совсем не рабочая. Меня вызвал Архипцев, который тогда был заместителем директора Института философии Б.С. Украинцева, и предложил мне написать заявление об отчислении по собственному желанию. Но я отказалась. И тогда мой друг А.С. Арсеньев предложил мне немедленно написать заявление в рабочую конфликтную комиссию, каковую под мое дело и создали. Поскольку у меня все пятёрки были за кандидатские экзамены, две статьи приняты к печати, а

1954 года В.И. Коровиковым в ходе организованной Т.И. Ойзерманом дискуссии на кафедре истории зарубежной философии философского факультета МГУ по теме «Естествознание и философия», и ставшие предметом острой дискуссии среди философской общественности того времени – прим. А.С.

диссертация представлена к обсуждению, то отчислить меня не смогли, хотя история эта тянулась полгода. Защитилась я, главным образом, благодаря академику Бонифатию Михайловичу Кедрову. Кандидатская диссертация у меня называлась «Целое и часть как категории диалектики», это во многом была его тема, так как он был химик. Он пришел на защиту, произнес слово в мою защиту, и хотя я защищалась без руководителя, меня утвердили.

А.С. Вы как-то общались с Кедровым после этого?

Т.Д. Очень мало. А вообще он был душа-человек. Одно время он лежал в больнице, с сердцем было плохо, так вся больница бегала к нему на третий этаж, поскольку он был очень остроумный и всех веселил. Это та больница, которая была рядом с магазином «Москва».

А.С. Тамара Борисовна, как вы оказались в Институте философии в качестве сотрудника? Произошло ли это сразу после окончания аспирантуры?

Т.Д. Нет, не сразу. После защиты меня не оставили в Институте, хотя обычно всех оставляли. Я думаю, что это из-за скандала с научным руководителем. Сначала я полтора года работала в энергетическом институте на кафедре у Г.С. Арефьевой, затем пять лет во втором медицинском институте на кафедре у Феликса Трофимовича Михайлова. Это была замечательная кафедра, я нашла там друзей на всю оставшуюся жизнь. Если вы в то время ехали в метро и видели студента, читающего Платона, то наверняка это был студент Второго меда. Тогда там преподавал М.Б. Туровский, и он соблазнил многих студентов-медиков идти в философскую аспирантуру. Среди них были Леон Семенович Черняк и Вячеслав Владимирович Сильвестров. А потом нашу кафедру разогнали, причем разогнали из-за того, что в тот год был ввод войск в Чехословакию, у нас провели партийное собрание, чтобы мы его одобрили, но наша кафедра разными способами старалась обойти это. После этого кафедра была разогнана, Феликса заставили написать заявление по собственному желанию, и все стали устраиваться, куда получится. Меня, к счастью, взял Теодор Ильич Ойзерман, правда, на ставку младшего научного сотрудника, хотя у меня уже были две авторские книжки. Нас ведь никуда не брали. Б.С. Украинцев, тогда директор Института философии, был с Ойзерманом на ножах. Он сказал, что из этого сектора вообще никто расти не будет, и я шесть лет проработала младшим научным сотрудником.

А.С. На последнем гегелевском конгрессе в Бохуме (2016) – свидетельствую как его участник – примерно половина времени пленарного доклада Весы Ойтинена была посвящена экспликации, разбору и комментированию

Вашей книги о Дени Дидро⁴. Причем докладчик периодически прерывал изложение призывом: «Читайте русских философов». Тамара Борисовна, что было сначала предметом Вашего интереса, немецкая классика или французское Просвещение?

Т.Д. Сначала была немецкая классика. Я всегда интересовалась работами Канта. Потом, когда я года три проработала в секторе, Теодор Ильич сказал мне, что сейчас ищут автора на книжку в серии «Мыслители прошлого»; о ком Вы хотите писать, о Дидро или о Руссо? Я сказала, что предпочту Дидро, потому что мне Руссо не очень симпатичен как человек. И книжка эта вышла в 1975 году, мне уже почти сорок лет было. Тогда же появилась какая-то известность.

А.С. Сектор истории западной философии, как Вы знаете, был основан Иваном Капитоновичем Лупполом, крупнейшим знатоком французского Просвещения вообще и Дидро, в частности. Широко известна его монография о Дидро, предисловие к собранию сочинений Дидро, выпущенному издательством «Academia» в 30-е годы, что даже для этого издательства было необычно – давать философские предисловия. Оставалось ли что-либо – пусть совсем небольшое – от дебординской школы или от Луппола в секторе?

Т.Д. Нет, в секторе от них абсолютно ничего не осталось. Это был период, когда марксистская идеология была господствующей, в том числе и в Институте.

А.С. Можно сказать, чистое поле было?

Т.Д. В секторе – нет, хотя и влияния дебординской школы в нем не было. Я должна сказать, что еще когда я была в аспирантуре, в секторе диалектического материализма, там уже работали Эвальд Ильенков, Николай Трубников, Евгений Никитин, Владислав Лекторский. У нас всегда были интересные доклады, обсуждения, в основном благодаря Эвальду Ильенкову. Хотя он был человек нелегкий. Иногда он был чрезмерно фанатичен.

А.С. Поскольку заговорил об Ильенкове, каков он был как полемист?

Т.Д. Жесткий и очень интересный. Когда была его докторская защита (он ведь очень поздно защищался), приехали философы из разных городов – Л. Науменко, К. Касымжанов – было интересно и весело.

Его работы, в частности, книга «Об идолах и идеалах» была восторженно встречена многими философами, его статьи по эстетике пользовались заслуженным вниманием. Много людей было на его

⁴ Длугач Т.Б. Дидро. М.: Мысль, 1975; 2-е изд., дораб. 1986.

похоронах, со всего Союза съехались философы. И я помню, что зам. директора по хозяйственной части П. Напреенков тогда выражал удивление, что вот какого-то философа хоронят, а столько людей собралось. Он не знал, что это был за философ.

А.С. В своих работах Вы выделяете парадоксы в мышлении французских просветителей вообще, Дидро – в особенности. Эти парадоксы, с Вашей точки зрения, являются местом, откуда развивается немецкая классическая философия. Подход к немецкой классике из перспективы противоречия, парадокса – он у Вас от В. Библера?

Т.Д. Прямого влияния здесь нет. Я эту тему с В.С. Библером не обсуждала. Но странно говорить было бы, что что-то в немецкой классике идет от французских просветителей, скорее, наоборот, мы рассматривали их в свете немецкой классики. Я сама поняла, что парадоксы Дидро являются выражением особого стиля мышления просветителей, причем мне это очень тяжело далось. А тяжело далось потому, что я руководствовалась точкой зрения Энгельса на то, что весь XVIII век был метафизический, и никакой диалектики, никакого осознания противоречивости там не было. Я читала работы Дидро и думала, как же нет, когда вот они – противоречия. Я долго ничего не могла написать, была в полном отчаянии, но потом решила написать так, как видела, и представить парадоксы Дидро как своеобразные противоречия мышления всего французского Просвещения, как его своеобразные диалектические противоречия, которые можно связать с немецкой классикой. Тогда все и получилось.

А.С. Как Вы познакомились с Библером и каково было его влияние?

Т.Д. Еще в МИИТе, работая там лаборанткой, я познакомилась с Анатолием Сергеевичем Арсеньевым; он был исключительного ума человек, и мне жаль, что он потом оставил философию; именно он меня познакомил с В.С. Библером. Знакомство состоялось в 1964 году. Мы – В. Библер, А. Арсеньев и я – присутствовали на первом докладе Толи Ахутина в Институте истории естествознания и техники. С 1964 года в Москве шли философские семинары, сначала в Институте истории естествознания и техники, затем в Институте всеобщей истории. Потом уже стали собираться у В. Библера дома. Каждую неделю кто-то делал доклад, и его обсуждали, сам Владимир Соломонович в обсуждениях всегда принимал живое участие. К 70-м годам у него стала формироваться концепция диалога культур. До этого он был гегельянец и марксист, а позже понял свое близкое родство с М.М. Бахтиным. Взгляды Бахтина и Гегеля были в центре интересов Библера, их сопоставление наряду с глубоким изучением истории

философии позволило ему создать концепцию новой, негегелевской логики – диалогики. Это был совершенно новый взгляд на логику.

Вообще нас 70-е годы в библеровском кружке было не очень много, человек десять: Людмила Маркова, Анатолий Ахутин, Виктор Визгин, я, Анатолий Арсеньев, Лина Туманова, Леонид Баткин. Светлана Неретина и психологи присоединились позднее.

А.С. Тема диалога обсуждалась?

Т.Д. Да, конечно. И работы Бахтина не один раз обсуждались. Обсуждались также взгляды Э. Ильенкова, М. Мамардашвили, других известных тогда отечественных философов и рассматривалось, что бы мы им могли противопоставить. Довольно часто собирались на даче В. Библера в Раздорах. Она была огромная, хотя неужоженная. Обязательно собирались 4 июля в день его рождения. Моя жизнь с В. Библером связана неразрывно, мы общались до самой его смерти, хотя семинар я перестала посещать с 90-х годов.

А.С. Тамара Борисовна, хорошо известен Ваш перевод кантовской работы «Что такое Просвещение»⁵. Как развивалась линия Вашего исследования немецкой классической философии? Кто инициировал Ваши занятия немецкой классикой?

Т.Д. Немецкой классической философией, особенно Кантом, я интересовалась всегда. Т.И. Ойзерман инициировал создание серии «Немецкая классическая философия. Новые исследования», а я была ответственным секретарем этой серии. Вообще с немецкой классикой сектор был всегда тесно связан, праздновали юбилейные даты Гегеля, Канта, в 1981 году мы ездили в Ригу в связи с годовщиной выхода в свет «Критики чистого разума».

А.С. Это существенным образом было связано с политикой заведующего сектором Т.И. Ойзермана?

Т.Д. Да. Для Теодора Ильича тема немецкой классики была определяющей.

А.С. А как возникла у Вас тема практики в немецкой классической философии?

Т.Д. Совершенно не помню, как она возникла, но философией Карла Маркса, в частности в связи с нахождением его ранних рукописей 1843–44 годов (которые в 70-е годы были изданы в Институте философии на ротапринте) я очень интересовалась и несколько раз

⁵ *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? (1784) / Пер. Т.Б. Длугач // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. Т. 1. М., 1994.

делала об этой работе доклады, еще работая в медицинском институте. Особенно важна для меня была проблема отчуждения. Поэтому и в связи с интересом к гносеологии всплыла тема практики. Однако помню, что писала я свою монографию, посвященную этим вопросам⁶ – с большим трудом и с удовольствием. Тему этой книжки, если мне не изменяет память, предложил Теодор Ильич.

А.С. То есть в целом многие линии Ваших исследований определил Теодор Ильич?

Т.Д. Да, и я ему очень за это благодарна. Не говоря уже о том, что он меня в Институт на работу взял. Он и Нелли Мотрошилову, и Эриха Соловьева взял в свой сектор, когда сектор Келли переформировали. То есть он нас всех очень выручал в трудные минуты.

А.С. Как возникла тема марксизма в Ваших исследованиях?

Т.Д. Я уже об этом сказала. Была в Институте реферативная группа, которая начала публиковать марксовы работы, не выходящие еще в свет. В том числе раздел об отчуждении труда из ранних рукописей Маркса. Это был 1973 или 1974 год. А впервые я сделала доклад по этой теме во Втором медицинском институте, на кафедре глазных болезней у М.М. Краснова, впоследствии директора Института глазных болезней, и тех пор стала другом этой кафедры. Моя отправная точка по изучению марксизма – Маркс периода 1843–44 гг.

А.С. Вы работали с немецкими источниками тоже?

Т.Д. Да.

А.С. Каково в настоящее время Ваше видение Маркса?

Т.Д. Не могу сказать, что я что-то принципиально новое внесла в его трактовку. Новым момент, который я стала пропагандировать после смерти В. Библера и на основе его идей, – это особое понимание искусства как такой деятельности, в которой происходит удвоение человеческой чувственности: в искусстве мы видим, как мы видим; мы слышим, как мы слышим, что дает возможность менять чувственность, не меняя физиологию. Важным было также своеобразное понимание предметной деятельности в связи с двойственностью орудий и предметов труда.

А.С. Расскажите, пожалуйста, подробнее о жизни в Институте философии в тот период.

⁶ Длугач Т.Б. Проблема единства теории и практики в немецкой классической философии (Кант, Фихте). М.: Наука, 1986.

Т.Д. Надо сказать, что тогда в 60–70 годы в самом Институте философии была очень интересная жизнь. В то время Эвальд Васильевич Ильенков вел семинары с физиками в Обнинске, разрабатывая темы об источнике знания – является ли предмет познания только мысленным или существующим вне мысли, что представляет собой мышление и т.п. Главным для него было рассмотрение мышления не как примитивного процесса отражения действительности, а как отражения на основе деятельности. Я их тоже посещала.

Также бывала в интернате для слепо-глухонемых детей в Загорске, где Э. Ильенков проводил половину своего времени. Он хотел доказать, что мысли у детей формируются в процессе действий с обыденными вещами, а затем и с более сложными, например, в ходе построения геометрических фигур. Любопытно, что, не имея зрения, эти дети обладали хорошим пространственным воображением, что выявилось в ходе создания ими многогранников – октаэдров, тетраэдров и т.п. Все это требовало глубокого осмысления. Этих детей даже привозили в Институт философии, и они делали доклады, через переводчика, конечно, и это было интересно всем в Институте. Так же, как интересна всем была выходящая Философская энциклопедия со статьями Ильенкова, Мотрошиловой, Гайденко.

Кроме того, та стенгазета «Советский философ», которая у нас на Волхонке висела между этажами, была в Москве очень популярна; она была антиидеологична и иронична, за нее Владимира Смирнова, секретаря нашей партийной организации с выговором сняли с поста главного редактора. Эту газету вся Москва читать приезжала. Я сама видела, как заместитель директора Архипцев плакал, читая ее; в том выпуске его высмеяли в образе Полупортянцева. Был такой сатирический персонаж стенгазеты – Полупортянцев, собирательный образ философа-обывателя, идеологически правильного и карикатурно глупого. В разных выпусках ему могли придаваться черты тех или иных реальных сотрудников, и читавшие стенгазету с удовольствием сразу угадывали, кто имеется в виду.

Все читали тогда Солженицына, были против ввода советских войск в Чехословакию, в 70-е годы Институт был очень революционный. Был такой случай, демонстрирующий коллизии связанные с идеологией: мы с Нелей Мотрошиловой подали документы своего заведующего сектором Т.И. Ойзермана на премию Н. Чернышевского, поскольку сам он был в это время в зарубежной командировке. На следующий день нас вызывает директор Б.С. Украинцев и начинает с криком обвинять в антиправительственных выступлениях. Причина

была следующей: в монографии Т.И. Ойзермана была ссылка на А.А. Зиновьева, а тот был уже уволен с работы, исключен из партии и фактически был уже парией. Ссылка была не на «Зияющие высоты», а на логические работы Зиновьева, но уже его имя нельзя было вообще упоминать. Наши аргументы на то, что это ссылка на чисто логические работы, никак не подействовали. Б.С. Украинцев апеллировал к звонку из ЦК партии, нас всюю отругал и мы свои выговоры получили. Т.И. Ойзерману, однако, за книгу эту премию все же присвоили.

В Институте в 60–70-е годы часто устраивались смешные капустники, авторами которых были Э. Соловьев и Е. Никитин. Было много стихов, юмора – например, Неля Мотрошилова была изображена в виде домохозяйки, тащившей подмышкой гуся-Гуссерля, а Лариса Цыпник – как крестьянка, тащившая за собой телегу с колосками-рефератами. Энтузиасты ходили в турпоходы, а другие энтузиасты во главе с Мартой Ловчевой ездили в различные поездки по известным и малоизвестным местам. Брели членов семьи. Пели песни в автобусе или поезде. Вообще жизнь была веселая и интересная – и тогда, когда в актовом зале потолок обрушился на голову гостившего у нас Назыма Хикмета, и тогда, когда Женя Никитин на институтском собрании сообщал залу, что пережил трех директоров, сейчас переживает четвертого (Б.С. Украинцева).

А.С. Хотелось бы узнать Ваше мнение о перспективах развертывания философии советского периода. Какие базовые ходы мысли были сделаны в этот период, которые кажутся Вам важными или требующими развития, способными определять повестку дня отечественной и даже мировой философской мысли?

Т.Д. Я считаю, что очень много сделал Эвальд Ильенков. После его работ нельзя было понимать познание как простое отражение; его статья «Идеальное» в Философской энциклопедии составила эпоху в философии. По его рекомендации в Философскую энциклопедию писались интересные статьи философами из других городов и республик. В.С. Библер также был известной философской фигурой. Как философ, я считаю, он находится, как и Эвальд Васильевич, на уровне крупных зарубежных мыслителей. Он выдвинул идею о философии всего Нового времени как о наукоучении, т.е. как учении, ориентирующемся на науку и заимствующем из нее некоторые черты и логические выводы, в частности, принципы снятия и восхождения. Это ведь совершенно новаторская мысль. Наука изучает, например прошлое как «снятое», как подготовку к настоящему, в которое оно входит своими сходными с ним чертами. К прошлому вследствие этого

можно относиться лишь как к исторической и прошедшей, не имеющей в настоящем большой ценности. И этот подход в философии развил Гегель, заимствовав его из науки и ориентируясь в целом на философию как логику, раскрывающую процесс познания. Но М.М. Бахтин, как известно, предложил другой подход, когда нет восхождения и снятия, а прошлое рассматривается в форме непреходящей самостоятельной ценности, имеющей собственные достижения. На материале искусства, которое для него было моделью культуры вообще, М.М. Бахтин показал, что в этом случае начинается равноправный диалог между прошлым и настоящим, между разными принципами и фундаментальными подходами, и нельзя сказать, какой лучше или правильнее – каждый своеобразен и имеет право на существование. И В.С. Библер вслед за Бахтиным доказывает, что все философские – прошлые и настоящие – системы имеют равные права и убеждает, что в XXI веке философии будут свойственны рассуждения другого типа, чем у Гегеля, и философия будет не наукоучением, а логикой культуры, поскольку наука перестает быть главной в культуре, а становится ее элементом наряду с этикой, эстетикой и т.п.

И то, что сделал Эвальд Ильенков, тоже фундаментальное значение имеет. Ведь до работ Ильенкова мы в МГУ учились по каким-то болгарским учебникам, где утверждалось, что мышление есть обобщение чувственных данных. Оно есть отражение, но только после того, как мы предмет познания превратили в идеальный предмет и провели с ним мысленный эксперимент, сопоставив его с реальным предметом. Тогда мышление, будучи творчеством, и будет отражать мир. Все сочинения, которые Э. Ильенков включил в свою философию – Выготского, Пиаже – были направлены на такое понимание мышления. До Ильенкова в отечественной философии подобных толкований совершенно не было. Здесь он первооткрыватель. К сожалению, М. Мамардашвили я плохо знаю. Я слушала его лекции, но, правду говоря, они мне не нравились. Не люблю потока сознания. С моей точки зрения В. Библер и Э. Ильенков имеют большее значение. И те заделы, которые они создали, важны.

Я хотела бы сказать несколько слов и о Нелли Васильевне Мотрошиловой. Я знаю ее много лет еще с университета; когда я училась на третьем курсе, она была на пятом и уже вела у нас семинарские занятия по немецкой классике, т.е. уже тогда была признана очень знающим профессионалом. Нелли исключительный знаток истории философии, прекрасно понимает особенности важнейших философских систем. К тому же хорошо знает иностранные языки – и англий-

ский, и немецкий, и французский, – что помогает ей знакомиться с современными значительными зарубежными философскими достижениями, и не только познакомиться, а глубоко осмысливать их. По праву она считается лучшим знатоком идей М. Хайдеггера. Каждый год она выпускает по объемистой интересной книге, что является доказательством не только ее глубоких знаний, но и свидетельством необычайного трудолюбия. Она всегда в курсе современных злободневных проблем и активно включается в их обсуждение. Будучи многие годы заведующей сектором истории зарубежной философии, она создала вслед за Теодором Ильичем благоприятную обстановку в секторе и способствовала развитию инициативы у своих сотрудников. Немало важных философских работ было написано ими за это время, в том числе неординарные, глубокие размышления Эриха Соловьева о Лютере. Как тонкий и глубокий исследователь Нелли Мотрошилова широко известна не только в России, но и за рубежом. В последние годы она стала известна еще и как издатель избранных сочинений Иммануила Канта на двух языках⁷. Вы знаете, этот проект вели с нашей стороны Нелли Мотрошилова, с немецкой – Буркхард Тушлинг. Это издание очень важно для русскоязычных читателей, потому что читатель может сам сверять перевод. Был уточнен и перевод многих понятий, в том числе *Ding an sich* как «вещи самой по себе» (вместо вещи-в-себе). Был также уточнен перевод терминов, которые имеют двойное значение, например, понятий *Gebrauch* и *Anwendung* – как применения и употребления – в разных контекстах. Эта трудоемкая работа продолжается и сейчас, за что мы должны быть благодарны Нелли Васильевне.

А.С. Тамара Борисовна, Вы ведь и сами были редактором двух томов.

Да, это были второй том, «Критика чистого разума», и четвертый, «Критика способности суждения». Мы работали над ними совместно с Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом и Ули Фогелем. Кроме другой работы, я еще составила предметный указатель на русском и немецком языках. Трудность состояла в том, что кроме определения понятия, надо было выяснить его отношение к другим понятиям на разных страницах «Критики». Например, человек как: мыслящее существо, ноумен, конечная цель. Много трудностей доставил нам перевод чрезвычайно важного термина *Wohlgefallen* из третьей «Критики». Мы перевели его как «благорасположение». По-моему, перевод не

⁷ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках / Отв. ред. Нелли Мотрошилова и Буркхард Тушлинг. М.: Наука, 1994–2010.

очень удачный, но мы оставили возможность лучшего перевода для будущих переводчиков. Все переводы согласовывались с немецкими филологами и славистами. Очень помогали нам слависты Барбара Кархоф и Вилли Люккель.

А.С. Что для Вас сейчас в философии является притягательным? Что Вы исследуете, какие темы сейчас Вас волнуют?

Т.Б. Мне любопытно, как происходит изменение самого субъекта, не только как меняется его сознание, но и как он меняется в целом. А также – какое общественное устройство следует признать лучшим. Интересно отправиться от Гоббса и Руссо, дойти до современных предложений, например, Роулза, и выявить нерешенные проблемы. Например, выяснить, чем отличаются подданные государства Гоббса от граждан общественно-договора Руссо; можно ли устранить неравенство граждан по своим начальным возможностям – в организации образования и работы.

А.С. Вопрос в завершение. Сейчас в Институте философии происходит смена поколений, появилось много молодых сотрудников, в том числе историков философии. Что бы Вы могли им пожелать, посоветовать, чтобы успешно, серьезно и фундаментально заниматься наукой долгие годы?

Длугач Т.Б. Молодым специалистам можно было бы посоветовать рассматривать наследие прошлого с точки зрения его непонятности для нас. В этом и будет выражаться его особенность, выяснить которую – главная задача историка философии. Ведь если что-то для нас непонятно, то это означает, что мы рассуждаем не так, как наши предки, и вопрос – почему? Так и обнаруживается проблема, в решении которой сопоставляются разные эпохи, разные стили мышления, разные логики.

Савин А.Э. Спасибо Вам большое, Тамара Борисовна.

А.Э. Савин, Т.Б. Длугач, Москва, 7 ноября 2017 г.
при участии М.А. Солоповой, осень 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Длугач Т.Б. Дидро. М.: Мысль, 1975; 2-е изд. М.: Мысль, 1986.

Длугач Т.Б. Проблема единства теории и практики в немецкой классической философии (Кант, Фихте). М.: Наука, 1986.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? (1784) / Пер. Т.Б. Длугач // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Наука, 1994.

Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Отв. ред. Нелли Мотшилова и Буркхард Тушлинг. М.: Наука, 1994–2010.

TAMARA DLUGATCH

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240 Russian Federation.
E-mail: dlugatch@yandex.ru

ALEXEY SAVIN

DSc in Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); 84 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571 Russian Federation.
E-mail: savinae2018@gmail.com

**“Kant was always of interest to me”
Interview with Tamara Dlugatch**

Summary. In this interview the famous Russian philosopher and historian of philosophy Tamara Borisovna Dlugach – well-known expert in Classical German philosophy and philosophy of Enlightenment, author of more than 10 monographs – shares memories of her life and work: about years of study at the faculty of philosophy at Lomonosov Moscow University, about entering the post-graduate course at the Institute of Philosophy (Academy of Sciences of the USSR) and the first years of professional activity, about interesting events in the life of the Institute of Philosophy in 1970–1990s, about colleagues and about her work in the sector of the history of Western philosophy under the direction of T.I. Oizerman and N.V. Motroshilova, studies on philosophical works and ideas of I. Kant and D. Diderot, as well as on participation in the seminars of V.S. Bibler, on the importance of the works of Evald Ilyenkov for the philosophy of the Soviet period. This interview continues the section “Our Interviews” of the Yearbook, that was opened by the interviews with Alexander Stoliarov (2017) and Nelly Motroshilova (2018). Interview was conducted by Alexey Savin.

Keywords: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences; philosophy of the Soviet period, Kant studies; French Enlightenment, V.Bibler, T. Dlugatch.

References

Dlugatch, T.B. *Diderot*. Moscow: Mysl' Publ., 1975; 2nd ed. Moscow, 1986.

Dlugatch, T.B. *Problema edinstva teorii i praktiki v nemetskoj klassicheskoj filosofii (Kant, Fichte)* [The Problem of unity of theory and practice in German classical philosophy (Kant, Fichte)]. Moscow, Nauka Publ., 1986.

Kant, I. „Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie?” [Answering the question: What is Enlightenment?] (1784), transl. by Tamara Dlugatch, in: Kant, I. *Sochineniya na russkom i nemetskom yazukakh* [Works in Russian and German]. Vok. 1. Moscow, Nauka Publ., 1996.

Kant, I. *Sochineniya na russkom i nemetskom yazukakh* [Works in Russian and German], edited by Nelly Motroshilova (Moscow) and Burkhard Tuschling (Marburg). Moscow, Nauka Publ, 1996–2006.